

**Читайте в серии
«Жаркий лед. Хоккейная романтика»:**

1. Точно не влюблена

Продолжение следует...

Дженни Проктор

ТОЧНО НЕ ВЛЮБЛЕНА

Freedom

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)6-44
П80

Jenny Proctor
ABSOLUTELY NOT IN LOVE

Copyright © 2023 by Jenny Proctor Creative

All rightst reserved.

Иллюстрация на обложке *Мари Великодная (kтомaha)*

Разработка серийного дизайна *Ольги Бытко*

Проктор, Дженни.

П80 Точно не влюблена / Дженни Проктор; [перевод с английского Е. А. Кузьменко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-231574-9

Дженни Проктор — автор бестселлеров Amazon. Она пишет истории любви, которые надолго оставляют след в сердцах читателей.

У меня всего два требования к мужчинам: любить книги и НЕ любить хоккей.

Вот почему мой сосед, загадочный Феликс Джеймисон, меня совсем не привлекает. Пока он не выбросит хоккейные коньки куда подальше, нам не по пути.

Но затем он вдруг появляется на моем симфоническом концерте.

Я уже упоминала, как он горяч в хоккейной форме?

Но у меня сложные отношения с хоккеем, потому что в него некогда играл мой брат, и я не знаю, хочу ли снова быть частью этого мира. Но что-то мне подсказывает, что Феликс вот-вот изменит мое мнение...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)6-44

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231574-9

Джону

*Феликс во многом парень мечты,
и он определенно был вдохновлен тобой.*

Глава 1

Грейси

У хоккея весьма характерный запах. Ну или, по крайней мере, у хоккейной экипировки.

Я бы эту вонь узнала где угодно, но *почему* я чую ее в своем доме?

Я роняю сумку на пол лестничной площадки и оглядываю небольшой коридор, ведущий к моей входной двери. Нет ни единого дюйма свободного пространства. *Весь* коридор завален хоккейной экипировкой.

Коньки, защита, клюшки. Шлемы. Сумки, доверху набитые толстовками.

Что это все такое? И *почему* оно так отвратительно пахнет?

Мой сосед играет за «Аппи», хоккейную команду низшей лиги Харвест-Холлоу, но, насколько мне известно, он свою экипировку домой никогда не приносил. И уж точно я никогда не видела ее в коридоре. К тому же здесь снаряжения столько, что на целую команду хватит.

И еще более важный момент: мне никоим образом не удастся попасть в свою квартиру — по крайней мере, не с виолончелью в руках.

Дженни Проктор

С очень раздраженным вздохом я беру ближайшую ко мне хоккейную клюшку и стучу ею в стенку, чтобы Феликс услышал. Его квартира — первая из двух по одной стороне коридора. Моя как раз вторая, но здесь навалено так много всего, что я даже не могу до его двери добраться, чтобы постучать, как цивилизованный человек. Но в этой конкретной ситуации вовсе нет ничего цивилизованного, так что меня вполне устраивает компромисс.

— Феликс! — ору, как хочется надеяться, достаточно громко, чтобы он меня услышал. Я стучу еще несколько раз, чтобы наверняка.

Неужели мне *никогда* не избавиться от присутствия хоккея в моей жизни? Разве недостаточно того, что мой брат играл *все* наше детство, отнимая все время и внимание наших родителей своими играми, тренировками и бесконечными соревнованиями по выходным? А теперь мне приходится пробираться через целый оползень поношенной хоккейной экипировки лишь для того, чтобы добраться до своей входной двери?

Неужто у вселенной нет никакого сострадания?

Дверь Феликса открывается, и он появляется в проеме с обеспокоенным выражением лица, одной рукой опираясь на косяк.

— Грейси? Что случилось? Ты в порядке? Я слышал, как ты кричала.

Капелька воды срывается с волос Феликса и приземляется на его грудь — его *очень обнаженную* грудь, — а затем продолжает свое путешествие вниз. Мой взгляд следит за этим действием, скользя вниз по подтянутому, атлетичному телу Феликса, пока я не

Точно не влюблена

ловлю себя на этом — *ох, вот же черт*. На этом мужчине нет ничего, кроме пары черных трусов-боксеров.

Я сглатываю, рассматривая все впадинки и изгибы его мускулистого торса. Взгляд цепляется за тень, как мне *кажется*, татуировки на внутренней стороне левого бицепса Феликса. Я снова сглатываю, когда в горле вдруг пересыхает. Не то чтобы я никогда не замечала, что Феликс красив. Он профессиональный спортсмен ростом почти сто девяносто сантиметров. Чего-либо в нем *не заметить* попросту невозможно, несмотря на то, что он достаточно тихий. Но я с первого дня знала, что он — хоккеист. Этой мотивации мне достаточно, чтобы не давать себе по-настоящему к нему присматриваться.

Я и хоккей? Мы никогда не были хорошей комбинацией. Сноска: вышеупомянутое детство, доверху заполненное этим видом спорта.

Но у моих глаз, кажется, имеется свое мнение на этот счет, поскольку они на добрых пятнадцать секунд перехватывают контроль над моим мозгом.

Но нет. *Нет! Не пьлься, мозг!*

Я слегка мотаю головой и наконец поднимаю глаза к потолку.

— Боже, Феликс, мог бы хотя бы штаны надеть, — в итоге выпаливаю я.

Он бросает взгляд вниз и морщится, а затем отпрыгивает за дверь.

— Прости. Прости меня! — говорит он из своей квартиры. — Я как раз одевался, когда ты начала стучать, а потом я просто... *побежал*. Я думал, ты поранилась.

Мое сердце слегка разбухает. Что-то в его беспкойстве кажется таким милым. И тот факт, что он не

Дженни Проктор

нарочно открыл дверь полураздетым, делает его гораздо менее... ну не знаю, наглым? Хотя Феликс никогда и не казался мне наглым. Не то что тот его товарищ по команде — Элай, что ли? — который взял себе за правило стучать в мою дверь и звать меня на свидание в качестве бесконечной шутки. Ну, для него это шутка. Для меня же лишь еще один источник раздражения.

Я вздыхаю.

— Не поранилась. Просто застряла. *Что* это все такое?

— Дай мне секунду, — откликается Феликс, и голос его звучит далеким, когда он уходит куда-то в глубь своей квартиры.

Минуту спустя он возвращается, одетый в спортивные штаны и простую белую футболку, уже усеянную капельками воды с его все еще влажных волос.

— Это старое снаряжение, которое занесли ребята из команды, — говорит он. — Я его завтра отнесу в молодежную хоккейную лигу. — Он поднимает две громадные сумки и затаскивает их в свою квартиру, причем с таким видом, будто они вообще ничего не весят. Он подбирает связку хоккейных клюшек, сует их под мышку, а потом хватается за шлем, который откатился к моей двери.

— Извини. Я думал, что успею сходить в душ и занести все это внутрь, прежде чем ты вернешься домой.

Я понемногу продвигаю свой футляр с виолончелью вперед по мере того, как он убирает снаряжение.

— Все нормально, — говорю я, пускай даже мой тон звучит колючим и резким.

Он сощуривает глаза.

— Уверена?

Точно не влюблена

— Точно. Ты, наверное, просто привел в действие остаточный постхоккейное-детство травматический стресс, но я это переживу.

— Ты играла в хоккей? — спрашивает он, поднимая брови.

— Ха! Нет. Определенно нет. А вот мой брат играл. И уж поверь мне — он провел на льду столько времени, что нам обоим хватит. — Я прислоняю свою виолончель к стене и поднимаю сумку, смещая ее поближе к двери Феликса.

— Так, значит, это *он* является причиной, по которой ты так ненавидишь хоккеистов.

Перед глазами на миг всплывает Гэвин, мой первый настоящий парень и единственный из всех них, кто когда-либо играл в хоккей. Если уж кого и можно винить в моем отвращении к хоккеистам, так это его. Но моя неприязнь простирается слишком глубоко, чтобы ее всю свалить на одного-единственного идиота-старшекласника, не умеющего себя вести.

— Я не *ненавижу* хоккеистов. Я просто ненавижу хоккей. Это разные вещи.

Феликс убирает от моей двери остатки снаряжения, расчищая путь, чтобы я смогла пронести свою виолончель по коридору.

— Хочешь, я ее занесу? — спрашивает он, отходя с дороги.

Я качаю головой, забрасывая виолончель за спину.

— Все нормально. Я уже тренированная. — Я открываю дверь, но медлю и вновь оборачиваюсь, прежде чем войти в дом. Находясь в такой близости от двери Феликса, я слышу, какая музыка у него играет.

— Это Чайковский?

Дженни Проктор

Он кивает и запускает пальцы в волосы.

— «Вариации на тему рококо».

Я киваю.

— Да. Я это знаю. — Это произведение я исполнила в качестве солистки с оркестром колледжа на последнем курсе.

Феликс уже не впервые упоминает классическую музыку, но это всегда было как-то общим планом. Брошенный вскользь комплимент чему-то, что я репетировала, а он услышал через стенку, или вопрос о том, что дальше будет исполнять симфонический оркестр. Но я считала, что он просто проявляет вежливость.

А это уже ощущается по-другому. Он на самом деле *слушает* классическую музыку? *Для удовольствия?*

Он складывает руки на груди и прислоняется плечом к стене возле своей двери, скрестив ноги в районе лодыжек.

— Значит, ненавидишь хоккей. Ты поэтому не соглашаешься на свидание с Элаем?

Я закатываю глаза.

— Я не хочу никуда идти с Элаем, потому что он слишком заносчивый, хотя хоккей делу тоже не помогает. Это мое довольно строгое правило.

— Не встречаешься с хоккеистами? — В его голосе слышен намек на разочарование, и я даже почти спрашиваю себя, а не показалось ли мне. Может, он просто из-за Элая расстроился?

— Не-а, — говорю я, запихивая эту мысль куда подальше. В любом случае, это неважно. — За первые восемнадцать лет своей жизни я на катке провела столько времени, что до конца дней хватит.

— Смотрела на брата, — говорит Феликс, и я киваю.

Точно не влюблена

Скорее, дулась на своего брата, притворяясь, что смотрю. Но в этом слишком уж много семейной драмы, чтобы обсуждать с соседом.

— Я рад, что узнал это о тебе, — говорит Феликс. — Это многое объясняет.

Я открываю свою дверь и ставлю виолончель в дом, а потом копирую его позу, прислоняясь плечом к стене.

— И что это значит? Что объясняет?

Он пожимает плечами.

— То, как упорно ты меня избегаешь. Или то, как сильно ты хмуришься и закатываешь глаза всякий раз, когда ко мне приходят товарищи по команде.

— Твои товарищи по команде *громкие*, — говорю я. — Громкие, заносчивые и... огромные.

Он ухмыляется.

— Ну с громкими и заносчивыми согласен, но огромные?

— Гигантские, — говорю я. — И... — я пытаюсь подобрать правильное слово, но затем оно просто всплывает в моей памяти и кажется таким логичным, что я поверить не могу, почему никогда раньше его не использовала. — *Дикие*.

Феликс улыбается, демонстрируя ямочку, которую я никогда прежде не видела.

— *Дикие*?

Я поджимаю губы. Мне не нравится, что он находит это настолько забавным.

— Я знаю хоккеистов, Феликс. Я росла в их окружении, и они определенно *дикие*. Что же еще может заставить человека пристегнуть к ногам ножи и кататься по твердому, как камень, льду, отчетливо понимая, что его будут мутузить снова и снова? Это же безумие.

Дженни Проктор

Если судить по моему опыту, то та же самая дикость просачивается в каждый аспект жизни хоккеистов — что ясно и четко продемонстрировал Изменщик МакИзменяйшество Гэвин, — и это не та дикость, которую я хочу видеть в *своей* жизни.

Феликс долгий миг удерживает мой взгляд, а затем самую малость кивает.

— Видимо, ты нас знаешь как облупленных, — говорит он.

Пыл, столь явно звучащий в моих словах считающие секунды назад, испаряется в мгновение ока. Тон, которым Феликс это произнес, звучит... уязвленным. И на этот раз мне уж точно не показалось.

Прежде чем я успеваю это толком осмыслить или извиниться, он заходит обратно в свою квартиру.

— Еще раз извини за бардак, — говорит он. Он наполовину закрывает дверь. — Спокойной ночи, Грейси. — Затем его дверь закрывается и запирается, и я остаюсь в коридоре одна.

Хах. Одна и с таким чувством, что этот разговор закончился *не так*, как надо было.

Я захожу в свою квартиру и падаю на диван, пребывая не в духе. Сегодня пятница, так что я в любом случае устала. Но теперь я уставшая, *а еще* раздраженная, и мне хочется отмотать назад последние пять минут разговора, чтобы проиграть их заново.

Не то чтобы я не имела в виду то, что сказала. У меня нет абсолютно никакого желания вступать в отношения с хоккеистом. Но хоккеей — это *профессия* Феликса. Я могла бы выразиться и помягче.

Я стону и скидываю туфли, а потом сворачиваюсь калачиком на диване. Если честно, я бы могла

Точно не влюблена

заснуть прямо сейчас и не просыпаться до завтрашнего утра.

В моем словаре у слова «усталость» есть два определения. Есть *обычная* усталость. Такая усталость, которую я испытываю после того, как схожу на пробежку или закончу очень напряженную репетицию в симфоническом оркестре.

А еще бывает усталость *учительская*.

Такая усталость не сравнится ни с чем другим на планете. Потому что выматываются не просто мои мышцы или мой разум. А разом и мышцы... и мозг, и эмоции, и нервы. Не говоря уже о моем эго.

Большую часть времени ученики средних классов милые, но вот во всех прочих случаях? Они буквально дьявольские отродья.

Мисс Митчелл, вы что, на размер поправились по сравнению с прошлым годом?

Мисс Митчелл, а почему у вас нет парня?

Думаете, вы КОГДА-НИБУДЬ выйдете замуж?

Вы сегодня забыли сделать прическу?

Вы ходите в этом ВЕСЬ ДЕНЬ?

Большую часть выходных — по крайней мере, тех выходных, которые я не провожу в оркестре, — мне только и хочется, что заползти в пижаму, заказать столько еды навынос, чтобы на три дня хватило, смотреть бессмысленные передачи по телевизору и забыть, что в понедельник утром мне придется вернуться к работе.

Все в порядке. *Я в порядке*. Я люблю свою работу. Руководить оркестром в Средней школе Харвест-Холлоу на самом деле было работой моей мечты, когда я училась в колледже. Жалеть я об этом не буду. Но я и правда научилась ценить выходные и лето.